

Зотова Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, преподаватель

МГУ имени М.В. Ломоносова

89250687748, tv.zotova@mail.ru

Что такое классика?

What is a Classic?

Аннотация: Настоящий доклад представляет собой обзор ряда исследований, посвященных поиску ответа на вопрос «Что такое классика?». В данной работе выявляются факторы, обуславливающие становление произведений в статусе «классических», а также рассматриваются онтологический и культурный аспекты классики.

Annotation: This report presents an overview of a number of studies in search of an answer to the question "What is a classic?". In this paper we identify some factors responsible for the formation of the classic, and discuss its ontological and cultural aspects.

Ключевые слова: классика, литературный канон, британская литература.

Key words: classics, literary canon, British literature.

В настоящее время вопрос «Что такое классика?» поднимается повсеместно и будет оставаться актуальным, пока существует и развивается наша цивилизация. Ученые-гуманитарии разных стран и культур пытаются раскрыть понятие классики и установить ее онтологию. В настоящей работе представлен обзор некоторых исследований на заявленную тему, а также предпринята попытка найти ответ на вопрос «Что такое классика» путем анализа изученного материала.

Название настоящей работы выбрано не случайно: оно является своеобразной аллюзией на уже существующие известные работы на данную тему, а именно: Charles Augustin Sainte-Beuve¹ «Qu'est-ce qu'un classique?» (1850), T.S. Eliot² «What is a Classic?» (1944), J.M. Coetzee³ «What is a Classic?» (1991), Ankhi Mukherjee⁴ «What is a classic?: postcolonial rewriting and invention of the canon» (2014), а также статья-обзор под названием «Что такое классика? Вечные собеседники» (2011), резюмирующая прошедшую 30-го октября 2010г. в Санкт-Петербурге конференцию «Вечные собеседники: Классика в аспекте метафизики диалога», авторы которой ставили целью «не столько дать отчет о событии,

---

¹ Шарль Огюстен де Сент-Бёв (1804-1869) - французский литературовед и литературный критик, романист, поэт.

² Томас Стернз Элиот (1888-1965) - англо-американский поэт, литературный критик, один из родоначальников модернистской поэзии, лауреат Нобелевской премии (1948).

³ Джон Максвелл Кутзее (1940) - южноафриканский писатель, критик, лингвист, лауреат Нобелевской премии (2003).

⁴ Анки Мукхерджи - доктор философских наук (PhD, Rutgers University, USA), профессор факультета английского языка и литературы Оксфордского университета.

сколько поделиться своим видением круга проблем, который прояснился в процессе совместной работы» [Михайлова, Пигров 2011: 61].

Начать разговор о классике хотелось бы цитатой из лекции Томаса Элиота: «<...> it is only by hindsight, and in historical perspective, that a classic can be known as such» [Eliot 1944: 10]. В своем эссе «Qu'est-ce qu'un classique?» (1850) Сент-Бёв также отмечает, что поспешное принятие автором статуса «классика» в глазах его современников может быть очень рискованным, так как всегда есть вероятность лишиться этого статуса в глазах потомков: «How many of these precocious classics are there who do not endure, and who are so only for a while! We turn round one morning and are surprised not to find them standing behind us» [Saint-Beuve, 2001].

Действительно, время – один из факторов, обуславливающих возведение текста в статус «классического». «Река времен» выступает как разрушитель, унося все легковесное: в культуре остаются лишь те тексты, «где запечатлелся «вечный человек», где представлены антропологические и онтологические универсалии» [Михайлова, Пигров 2011: 62]. По Сент-Бёву классика – это некоторая моральная истина, воплощенная в великой и прекрасной форме. Классические тексты сохраняют свою ценность в разных культурных парадигмах: они отличаются способностью снова и снова порождать бытийный эстетический опыт. «The classic is that which is not time-bound, which retains meaning for succeeding ages, which *lives*» [Coetzee 2002].

Русские мыслители категорично заявляют, что классике не свойственна креативность: классическим автором становится тот, чье «смирение позволяет бытию сказаться в его произведении», в результате чего появляется текст, способный вызвать у читателя «удивление, захваченность, восторг» [Михайлова, Пигров 2011: 61]. Проводя параллель между литературой и музыкой, Кутзее на примере творчества Иоганна Себастьяна Баха приходит к выводу о том, что классика порой – это нечто радикально новое, нечто, что невозможно предвидеть и сложно понять. Элиот же полагает, что креативность классике не чужда, однако суть ее – в поддержании баланса между традицией («collective personality realized in the literature of the past») и самобытностью живущего поколения [Eliot 1944: 15]. Сент-Бёв также отмечает двойственность характера классики. Стиль классики, по его мнению, – это единство новаторства и традиции: классическое произведение обладает своим собственным неповторимым стилем и в то же время стилем, «which is found to be also that of the whole world» [Saint-Beuve, 2001].

Все авторы изученных работ однако сходятся во мнении, что классика как явление формируется благодаря литературной критике. Оценивание тех или иных произведений производится «культурной элитой» (по преимуществу филологами и философами), чье

мнение принимается «публикой» как нечто категоричное и безапелляционное. В своей книге Анки Мукхерджи, ссылаясь на эссе Едварда Сэда (Edward Said «Secular Criticism», 1983), также размышляет о том, что литературная критика, намеренно дистанцирующаяся от общей массы читателей, представляет собой некое «индивидуальное сознание» (*individual consciousness*) и является не просто продуктом культуры, но ее активным социально-историческим деятелем.

На основе работ своих предшественников Анки Мукхерджи в своем исследовании приходит к выводу о взаимозависимости классики и критики. Классический критерий является основополагающим в литературной критике, можно даже сказать, что функционирование критики в принципе обуславливается существованием классики: ее первоочередная обязанность - оценивать классические произведения. В свою очередь возведение произведения в статус «классического» происходит благодаря «оценке знатоков»: классика – это именно то, что выдерживает многовековую критику и через это «выживание» утверждается в культуре. По мнению Кутзее, критическое оценивание произведений – неотъемлемая часть истории становления классики: «As long as the classic needs to be protected from attack, it can never prove itself classic» [Coetzee 2002].

Однако не только одна критика несет ответственность за формирование классического канона. С давних времен литература рассматривается как способ удержания власти: классическими *назначались* тексты, способные сохранять и поддерживать в общественном сознании определенный комплекс идеологием. Власть в данном случае выступает как инстанция, ответственная за нравственное и интеллектуальное состояние общества, а классика – средство образования и просвещения. Однако не обладающие эстетическим совершенством произведения теряют статус «классических» сразу после падения насаждавшего их режима. В качестве примера отечественные исследователи приводят обновление русского классического канона в постсоветские времена.

В рассмотрении онтологического аспекта классики особого внимания заслуживает работа Томаса Элиота, для которого понятие классики тесно связано с понятием зрелости (*maturity*). Классический текст, по его мнению, может возникнуть лишь тогда, когда общество, язык, литература и создающий данный текст разум достигли зрелости. Под зрелостью ума Элиот подразумевает понимание и принятие культурно-исторического наследия не только своего народа, но и других высокоразвитых наций, что выражается в использовании открытий и изобретений выдающихся умов прошлого в своих трудах: «<...> to make use of a foreign language in this way marks a further stage of civilization beyond making use only of the earlier stages of one's own» [Eliot 1944: 19]. Зрелым Элиот считает общество, которому свойственны изысканность и зрелость манер, широта взглядов и вольнодумие, а

также утонченная религиозная восприимчивость. В зрелом обществе, по Элиоту, отсутствует так называемая провинциальность: «the provinciality which indicates the disintegration of Christendom, the decay of a common belief and a common culture» [Eliot 1944: 18].

Что же касается вопроса зрелости литературы и языка, Элиот полагает, что за зрелой литературой стоит богатая история: это не просто некая хронология, накопление трудов и сочинений, но упорядоченное, хоть и бессознательное развитие языка («an ordered though unconscious progress of a language to realize its own potentialities within its own limitations») [Eliot 1944: 19]. Рассуждая о зрелости языка и литературы Элиот отмечает, что это качество легче обнаружить в прозе, чем в поэзии: развитие классической прозы - это становление общего стиля, а именно «a common standard, a common vocabulary, a common sentence structure» [Eliot 1944: 12]. Это не значит, однако, что классические тексты неразличимы между собой: основные характерные различия остаются, но они едва приметны. Период классической прозы - это не просто своего рода соглашение о том, как должно быть написано, это скорее общность вкусов. Литературный период, предшествующий классическому, отличается однообразием и эксцентричностью: ресурсы языка еще не полностью раскрыты, и еще отсутствуют общепринятые стандарты. После завершения классического периода литература вновь становится монотонна и эксцентрична: ресурсы языка уже исчерпаны, а оригинальность ценится выше корректности. Таким образом, «the age in which we find a common style will be an age when society has achieved a moment of order and stability, of equilibrium and harmony» [Eliot 1944: 14].

Здесь следует отметить, что схожие мысли относительно онтологии классики прослеживаются и в работе русских мыслителей, выдвинувших идею о классическом состоянии мира. «Сама жизнь иногда достигает классической высоты в каком-то отношении, потом ее теряет, снова обретает» [Михайлова, Пигров 2011: 64]. Стремление к классике они объясняют тем, что в ней человек находит «тот способ мышления, который позволяет видеть мир целостно и в лучшем его состоянии» [Михайлова, Пигров 2011: 64]. Классический текст не сочиняется, но извлекается из порядка мира, и в этом, по мнению русских авторов, главная причина его притягательности.

В отношении британской литературы, по мнению Элиота, восхождение литературы к состоянию зрелости можно наблюдать в работах Джона Милтона. Однако его произведения нельзя назвать классикой: язык все еще находится на этапе формирования, а литературные ориентиры Милтона – это труды, созданные не на английском, а на латинском и греческом языках. Несмотря на то, что стиль Милтона называют «not quite English», его вклад в развитие английского языка неоценим.

Один из признаков, указывающих на становление классического стиля в литературе Великобритании, - использование авторами все более сложных конструкций и предложений, что не является однако самоцелью, а служит для выполнения следующих задач: «first, the precise expression of finer shades of feeling and thought; second, the introduction of greater refinement and variety of music» [Eliot 1944: 18]. Эта особенность классического стиля прослеживается в произведениях Шекспира и достигает своего апогея (насколько это возможно в рамках драматургии) в его наиболее поздних трудах.

Приведенные выше атрибуты классики наиболее ярко выражены, по мнению Элиота, в английской литературе 18-го века, а если рассматривать поэзию – в большей степени в произведениях Александра Поупа. Как полагает Элиот, не оценив по достоинству произведения этого поэта, нельзя по-настоящему понять английскую поэзию, а также «we cannot see English literature as a whole, or aim rightly in the future, without a critical appreciation of the degree to which the classical qualities are exemplified in the work of Pope» [Eliot 1944: 17]. Однако, по мнению Элиота, творить в классическом ключе стало возможным для Поупа за счет исключения некоторых потенциальных возможностей английского языка. Принимая это во внимание, мы не можем утверждать, что Поуп отразил в своем наследии все лучшее в языке, но можем сказать, что он передал дух английского языка определенной эпохи.

Что же касается Шекспира и Милтона, Элиот не причисляет их к классикам, но называет их *великими* авторами. Разница между классиками и *великими* авторами в том, что последние, по мнению Элиота, исчерпывают конкретную литературную форму, делая невозможным создание равного по величественности произведения данного типа, а классики же исчерпывают не просто форму, но целый язык своего времени. Классические произведения выражают максимум возможного из всего разнообразия чувств, присущих представителям данной языковой общности («the classic expresses the maximum possible of the whole range of feeling of the people who speak that language») [Mukherjee 2014: 34].

В изученных работах в разных формулировках авторы предполагают невозможность существования классики как явления в современной культуре. Так, русские мыслители полагают, что представление о классическом возможно в культурах, ориентированных на понимание мира как «завершенного выполненного целого» [Михайлова, Пигров 2011: 62]. Поскольку в современной культуре отсутствуют и такое понимание мира и установка на возможность завершенности в будущем, она отторгает принцип классического.

Некоторые западные ученые также полагают, что явление классики само по себе предполагает завершенность, смерть языка и культуры. «The classic standard must come from

the dead, from the tomb», - заявляет Коллин Ламос⁵ [Цит. по Mukherjee 2014: 35]. Именно поэтому Элиот считает, что представители британской культуры должны быть рады тому, что еще ни одно литературное произведение не смогло отразить английский язык в его совершенной форме. Ссылаясь на живость, разнообразие и изменчивость английского языка, Элиот делает категоричное заявление: «There is no classic in English». Таким образом, чтобы достичь классического бессмертия, по мнению Анки Мукхерджи, язык должен реализовать (или скорее полностью исчерпать) свой литературный потенциал – то есть умереть.

Однако отрицание существования классики в современной культуре не означает отрицания классики в принципе. В противовес Джону Максвеллу Кутзее, который определяет классику как нечто, что способно пережить «худшее из невежества» («the worst of barbarism»), Элиот полагает, что именно классика не позволяет нам «погрязнуть во тьме». Критерий классичности, по его мнению, является своеобразным мерилем в любом языке, живом или мертвом, без применения которого мы становимся провинциальны и следуем искаженным ценностным ориентирам, не отличая эфемерное от незыблемого.

В настоящее время тема классики (в особенности – национальной классики), по мнению отечественных исследователей, обретает особую актуальность в связи с повсеместным падением филологической культуры, что обуславливается переносом центра культуры текста на визуальный образ, а также угасанием наррации и оскудением речи. «Если мы хотим сохраниться как народ и как люди, у нас нет иного пути, кроме классического, поскольку классический текст – это сам язык» [Михайлова, Пигров 2011: 63]. Исследователи рассматривают классику как «некий невидимый стержень, который держит этот мир в его самых разных измерениях» [Михайлова, Пигров 2011: 65].

Завершить этот обзор хотелось бы картиной утопичного мира Сент-Бёва, в котором больше нет письменного творчества, есть только чтение: счастливы те, кто читают и через чтение могут следовать своим врожденным наклонностям. «There comes a time in life when, all our journeys over, our experiences ended, there is no enjoyment more delightful than to study and thoroughly examine the things we know, to take pleasure in what we feel, and in seeing and seeing again the people we love: the pure joys of our maturity». Именно тогда понятие *классика* приобретает своё настоящее значение: наши вкусы сформированы и нет больше ни времени для экспериментов, ни желания исследовать новое – мы держимся за «друзей», проверенных временем. «Old wine, old books, old friends» [Saint-Beuve, 2001].

Литература:

---

⁵ Lamos, Colleen Deviant Modernism: Sexual and Textual Errancy in T.S Eliot, James Joyce, and Marcel Proust. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. - 280p.

1. М. В. Михайлова, К. С. Пигров Что такое классика? Вечные собеседники// Вопросы культурологии. - 2011. - № 8. - С. 61-65.
2. Coetzee, J. M. What Is a Classic?// Stranger Shores: Essays, 1986-1997. - London: Vintage Books, 2002 (электронная версия).
3. Eliot T. S. What Is a Classic? - London: Faber & Faber, 1944. - P. 7-32.
4. Mukherjee, Ankhi What is a classic?: postcolonial rewriting and reinvention of the canon. - Stanford: Stanford University Press, 2014. - 280 p.
5. Saint-Beuve, Charles Augustin What Is a Classic?// Harvard Classics. Literary and Philisophical Essays. – New York: BARTLEBY.COM, 2001. – Vol.32 (электронная версия).